Взнокъ на мошлу Гоголя отъ писателей Запада.

Французы о Гоголѣ.

Почти одновременно во Франціи празднуютъ теперь столѣтіе рожденія Виктора Гюго и въ Россіи чувствуютъ память Николая Васильевича Гоголя, по случаю пятидесятилѣтія со дня его смерти.

Итъ, конечно, никакого сравненія между всемірной славой великаго французскаго поэта и всероссійской известностью нашего замѣчательнаго писателя-реалиста, но вполнѣ естественно, что всякому русскому имя Гоголя ближе, а потому и дороже имени Гюго. Читатели меня поэтому хорошо поймутъ, если я имъ объясню, что ничего не писалъ о приготвленіяхъ къ юбилею Гюго, такъ какъ предпочиталъ заниматься приготвленіями къ юбилею Гоголя. Я собиралъ книги и составилъ изъ нихъ взнокъ, который теперь и посылаю для возложенія на перекотворный памятникъ нашего незабвеннаго писателя.

Эти взноки мнѣ дали французскіе писатели, къ изъ нихъ, которые читали Гоголя въ переводѣ или оригиналѣ и сумѣли понять его и оцѣнить. Они лишній разъ наглядно свидѣтельствуютъ, что значеніе и вліяніе русской литературы распространено далеко за предѣлами Россіи. Правда, не всѣ писатели, которые высказали свои мнѣнія о Гоголѣ, поняли его вѣрно и оцѣнили вполнѣ по достоинству, но русская публика совершенно удовлетворится принятымъ сознаніемъ, что въ эти юбилейные дни она находится въ духовномъ общеніи съ Западной Европой, и что замечательное литературное творчество, которое она теперь сплавляетъ, встрѣчаетъ тамъ живые, сердечные отклики.

Какъ известно, Просперъ Мериме — первый, по времени, французскій писатель, у котораго можно найти критическія этюды, посвященные Гоголю. Этотъ даровитый литераторъ-политологъ первый ознакомилъ французскую публику съ произведеніями лучшихъ современныхъ ему русскихъ писателей и далъ подробную рецензію о Гоголѣ.

Мериме прежде всего высказалъ мысль, что «еслибы Гоголь писалъ на болѣе распространенномъ языкѣ, то его известность въ Европѣ могла-бы равняться репутации лучшихъ англійскихъ юмористовъ». Мясъ эту мысль, пожалуй, считать вѣрной и по настоящее время, хотя Тургеневъ оспаривалъ ее въ своей перошкѣ съ г-жею Вилардо. «Самые провидѣніи уны ерди иностранцевъ, Мериме, напримеръ — жаловался Тургеневъ — видѣли въ Гоголѣ только юмориста на англійскій ладъ. Вамъ было-бы трудно понять, кѣмъ онъ былъ для насъ. Надо быть русскимъ. Онъ былъ во многихъ отношеніяхъ продолжателемъ Петра Великаго». Мериме, которому самъ Тургеневъ былъ многимъ обязанъ, имѣлъ, однако, полное право, не будучи русскимъ, продолжать судить его съ точки зрѣнія западно-европейской.

Мериме считаетъ Гоголя, прежде всего, бойкимъ сатирикромъ, но признаетъ его мастерство и въ другихъ жанрахъ. «Гоголь преимущественно выбираетъ провинціальные типы и въ этомъ сходится съ Вальзакомъ, произведенія котораго, можетъ быть, имѣли нѣкоторое вліяніе на его талантъ... Гоголь какъ будто колеблется между различными жанрами и перебираетъ всѣ — историческій романъ, внѣшній чтеніемъ Вальтера-Скотта, фантастическая легенда, картина смѣшныхъ нравовъ, психологическій этюдъ... Онъ превосходитъ въ бытовыхъ сценахъ. Такъ и кажется, что видишь его героев и находишься въ ихъ обществѣ — до того подробно описываетъ онъ ихъ причуды, привычки, манеры, жесты. Но правдѣ сказать, его произведенія не отличаются стройностью и связностью; авторъ часто удаляется отъ своего сюжета и вадается въ забавныя, но безцельныя детали, по эту замѣчательную наблюдательность въ деталяхъ надо цѣнить у Гоголя, которому слѣдуетъ отвѣсти почетное мѣсто въ свѣтѣ остроумныхъ и занимающихъ насъ писателей». Мериме подробно разобралъ отдѣльные

рассказы и повѣсти Гоголя, а также «Мертвыя души» и «Ревизора». Эту классическую русскую комедію онъ даже цѣлкомъ перевелъ и издалъ отдѣльной книжкой. Всего меньше ему нравился «Тарасъ Бульба»: «Любая прозаическая легенда была-бы лучше этихъ мелодраматическихъ сценъ, гдѣ пагроможены самыя мрачныя происшествія — голодъ, пытка и пр. Самъ авторъ какъ будто чувствуетъ себя на душной почвѣ: рассказъ поднимается съ трудомъ и неизбѣжный пронырскій тонъ еще болѣе затрудняетъ чтеніе»...

Совсѣмъ другою мнѣнію былъ знаменитый критикъ Сентъ-Бевъ, которому въ сборникѣ произведеній Гоголя, изданномъ въ французскомъ переводѣ Луи Вилардо, болѣе всего понравился именно «Тарасъ Бульба». По его мнѣнію, это шедевръ единственный въ своемъ родѣ: повѣсть начинается съ веселой бытовой сцены, затѣмъ комическіе элементы постепенно уступаютъ въ ней драмѣ, и конецъ ея является полнымъ глубокаго, божественнаго трагизма. Сентъ-Бевъ говоритъ, что ни въ одной человѣческой книгѣ не встрѣчается столь потрясающей сцены, подобной казни Остапа.

Кромѣ Мериме и Вилардо, Гоголя на французскій языкъ переводили академикъ Ксавье Мармье, Гитти, Шаррьеръ.

Въ 1854 г. въ Парижѣ въ театрѣ «Pöle-Martin» поставлена была воляная передѣлка гоголевскаго «Ревизора» подъ заглавіемъ «Les Russes peints par eux-mêmes». Настоящаго «Ревизора» парижанамъ дано было увидѣть лишь сорокъ четыре года спустя — въ январѣ 1898 г. Комедію Гоголя поставилъ въ переводѣ Мериме, директоръ «авангарднаго» театра «Oeuve» Люнье-По. Этотъ даровитый романистъ, критикъ и актеръ задаясь цѣлью популяризовать во Франціи Гоголя. Къ сожалѣнію, это ему не удалось. Ни его собственная группа, ни театральная критика тогда не сумѣли или не захотѣли его поддержать. Только Апри Бозоръ призналъ «Ревизора» замѣчательно удачною комедіей нравовъ. Катюль Мендесъ, не отрицая достоинствъ русской классической пьесы, намѣтилъ, что она слишкомъ устарѣла для постановки, особенно на заграничной сценѣ. А покойный Франсуа Сарзъ счелъ «Ревизора» за простой и слишкомъ длинный водевилъ.

Въ томъ же 1898 г., въ полюбѣ поставлена была спенческаго передѣлка «Тараса Бульбы». Авторомъ передѣлки былъ покойный повелитель и драматургъ Арманъ Сильвестръ. Вышла очень удачная пьеса, которая имѣла извѣстный успѣхъ въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ на сценѣ театра республики въ Парижѣ. Публика и критика были довольны, но еще довольнѣе былъ самъ Арманъ Сильвестръ. Онъ очень любилъ Гоголя и даже увлекался имъ. Онъ ради «Тараса Бульбы» съѣздилъ дважды на югъ Россіи и собралъ тамъ фотографіи, рисунки и костюмы, чтобы дать свою пьесу, которую онъ назвалъ «Kosaks», при вполнѣ правильной обстановкѣ. На генеральной репетиціи, въ частной бесѣдѣ, Арманъ Сильвестръ передалъ мнѣ, что обълюбовался «Тараса Бульбу». Какъ чудную поэмѣ въ прозѣ, которая должна была познакомить французскую публику съ совершенно неизвестнымъ ей міромъ — съ Малороссіей. «Русскій романъ, ставшій популярнымъ во Франціи, замѣталъ онъ, представляетъ только великорусскую жизнь, великорусскую натуру, а о существованіи въ предѣлахъ же Россіи страны, которая близко подходитъ къ нашему Провансу, объ особой важной расѣ со всѣми свойствами нашихъ gens di midi у насъ и поныне еще не имѣютъ». Правильнее имя гоголевская повѣсть и чуднымъ трагизмомъ сюжета. Тарасъ Бульба, говоритъ онъ, — Врутъ казачества: любовь къ родинѣ превозмогаетъ въ немъ отцовскія чувства. Убивая за измену собственного горячо любимого сына, Бульба представляетъ величественнымъ военачальникомъ, достойнымъ героевъ древности». Слѣдуетъ, однако, добавить, что Арманъ Сильвестръ

во мало внесъ и отсѣбину въ свою передѣлку.

Современные намъ французскіе писатели въ общемъ гораздо лучше знаютъ и понимаютъ Гоголя, чѣмъ во времена Мериме, Сентъ-Бева и Мармье. Въ настоящій моментъ по части литературныхъ горестей они, естественно, интересуются болѣе всего празднествами въ честь Виктора Гюго; тѣмъ не менѣе, и гоголевскій юбилей не оставляетъ безучастными тѣхъ изъ нихъ, которымъ случалось вспомнить или узнать о годовщинѣ 21-го февраля нашего стіла.

Я обратился по поводу гоголевскаго юбилея къ десятку французскихъ писателей и получилъ отъ нихъ самое искреннее, сочувственное отвѣты — письменные или устные.

Первымъ я намѣревался интервьюировать виконта *Melchior de Vogue*, которому русская литература такъ много обязана своими заграничными успѣхами; но уважаемый авторъ «Roman russe» оказался въ отъѣздѣ. Тѣмъ не менѣе, среди современныхъ французскихъ поклонниковъ Гоголя первое мѣсто все-таки принадлежить ему — и я приведу поэтому здѣсь слѣдующія строки изъ его «Roman russe».

«Какое мѣсто слѣдуетъ отвѣсти Гоголю въ литературномъ Пантеонѣ? Мериме полагалъ: «Между лучшими англійскими юмористами». Это, можетъ быть, слишкомъ скромно, если только Мериме не имѣлъ въ виду поставить Гоголя рядомъ со Свифтомъ, что было-бы для Гоголя достаточно почетнымъ и заслуженнымъ мѣстомъ. Но я предпочелъ-бы сравнить русскаго писателя съ его учителями — и поставить его между Сервантесомъ и Лесажемъ».

«Гоголь представляется намъ еще болѣе далекимъ и отсталымъ, если не разсматривать его глазами историка; по содержанию и по формѣ своихъ произведеній онъ — писатель исключительно русской. Оставимъ его Россіи. Тамъ всѣ лучшіе новоявленные писатели признаютъ его своимъ родоначальникомъ и учителемъ. Они ему обязаны языкомъ, которымъ пользуются».

Эмиль Зола не мало заинтересовался гоголевскимъ юбилеемъ и разспрашивалъ меня о готовящихся празднествахъ. Онъ показалъ мнѣ въ своей библиотекѣ французское изданіе «Мертвыхъ душъ», цѣлая страница которыхъ ему читалъ Тургеневъ, указывая ему красоты этого произведенія и разсылая «мало понятныя», чисто-русскіе пассажи. Эмиль Зола высказалъ желаніе присоединиться къ русскимъ литераторамъ, которые собираются чтествовать память Гоголя, и передалъ мнѣ слѣдующій письменный отзывъ съ просьбою опубликовать его. (Факсимиле этого письма помѣщено сегодня въ иллюстрир. листѣ).

«Увы! Я недостаточно читалъ Гоголя, я недостаточно его знаю, чтобы высказаться о немъ съ должнымъ пониманіемъ и сочувствіемъ. Но мой великій другъ Тургеневъ очень часто говорилъ мнѣ, какъ глубоко онъ почиталъ автора «Мертвыхъ душъ». И вспоминаю о немъ, я посылаю свою братскую дань писателя памяти гениальнаго русскаго романиста, являющагося и свою натуру къ неизбѣжной грядущей, которую почитать во всѣ благодарна Россія».

Я въ Гоголѣ болѣе всего цѣню бытописателя. Онъ много помогъ мнѣ понять и изучить Россію, въ особенности русское общество. Его произведенія усладили мнѣ состояніе общества въ первой половинѣ прошлаго столѣтія и втеченіи 60-хъ и 70-хъ годовъ. Гоголь много содѣйствовалъ пробужденію самосознанія русскаго общества, которому онъ сослужилъ большую службу, какъ сатирикъ. Вполнѣ естественно, что въ Россіи интеллигентные круги намѣреваются достойно почитать его память. Такого рода поминальные почести — долгъ образованнаго общества.

Сенаторъ Альфредъ Рамбо, членъ института и бывший министръ народнаго просвѣщенія, является, какъ известно, авторомъ «Histoire de Russie», которая представляется монументомъ эрудиціи и добросовѣстной работы. Онъ написалъ также много журнальныхъ статей, посвященныхъ исторіи русской литературы. Онъ былъ очень радъ узнать о приготвленіяхъ къ гоголевскому юбилею.

«Въ Россіи», — сказала мнѣ бывшій министръ, — литературные юбилеи слѣдовало-бы устраивать почаще — не каждые пятьдесятъ, а каждые десять лѣтъ. Эти торжества будятъ общественное самосознаніе, заставляютъ думать, а также съ благодарностью оглядываться назадъ и съ бодростью смотрѣть впередъ. Русское общество многимъ обязано своей литературѣ. У него были великіе писатели, есть и — нѣтъ основанія въ этомъ сомнѣваться — и будутъ. Гоголь вполнѣ заслуживаетъ

«Книги г. Мельхиора де-Вогюэ побудили меня познаться съ Гоголемъ. Несмотря на жалкій французскій переводъ, я убѣдился, что имѣлъ передъ собою крупнаго, выдающагося писателя. Несомнѣнно, чтобы его хорошо понять, надо знать русскую жизнь, а можетъ быть, и русскій языкъ. Къ сожалѣнію, мнѣ это не дано. Но какъ я ни мало знаю Гоголя, этого для меня достаточно, чтобы съ большимъ удовольствіемъ присоединиться (adhérer) къ юбилейнымъ празднествамъ въ его честь».

«Я читалъ изъ Гоголя все, что выбѣтается въ французскомъ переводѣ. Я не знаю русской жизни и поэтому не въ состояніи судить, лучше-ли онъ Дикенса въ своихъ романахъ и можетъ-ли онъ своими комедіями, нравовъ выдержать сравненіе съ Ожье; но во всякомъ случаѣ, это — замѣчательный и разносторонній писатель, заслуживающій удивленія со стороны всякаго литературно-образованнаго чловека и особахъ почестей со стороны своихъ соотечественниковъ. Посылаю привѣтъ русскимъ литераторамъ, которые устраняютъ нѣгидныя тержества въ память Гоголя».

«Если вѣрить моему «Энциклопедіи», Гоголь былъ болѣе романистомъ, чѣмъ драматургомъ. Но я его знаю только по «Ревизору», котораго я видѣлъ въ исполненіи театра «Oeuve». Я забылъ недостатки комедіи и помню только ея замѣчательныя достоинства. Да, Гоголь былъ великимъ писателемъ — и чтествовать память такого писателя — долгъ всякаго образованнаго общества».

«Отъ всего сердца присоединяюсь къ чтествованіямъ, которыми Россія должна почтить память Гоголя. Онъ былъ однимъ изъ величайшихъ живописцевъ чловеческой жизни. Ему принадлежить по праву мѣсто рядомъ съ Лесажами, Вальзаками, Альфонсами Додэ. Я жалко только объ одномъ, — а именно, что онъ былъ такъ плохо переведенъ на нашъ языкъ».

«Я читалъ изъ Гоголя все, что выбѣтается въ французскомъ переводѣ. Я не знаю русской жизни и поэтому не въ состояніи судить, лучше-ли онъ Дикенса въ своихъ романахъ и можетъ-ли онъ своими комедіями, нравовъ выдержать сравненіе съ Ожье; но во всякомъ случаѣ, это — замѣчательный и разносторонній писатель, заслуживающій удивленія со стороны всякаго литературно-образованнаго чловека и особахъ почестей со стороны своихъ соотечественниковъ. Посылаю привѣтъ русскимъ литераторамъ, которые устраняютъ нѣгидныя тержества въ память Гоголя».

«Я читалъ изъ Гоголя все, что выбѣтается въ французскомъ переводѣ. Я не знаю русской жизни и поэтому не въ состояніи судить, лучше-ли онъ Дикенса въ своихъ романахъ и можетъ-ли онъ своими комедіями, нравовъ выдержать сравненіе съ Ожье; но во всякомъ случаѣ, это — замѣчательный и разносторонній писатель, заслуживающій удивленія со стороны всякаго литературно-образованнаго чловека и особахъ почестей со стороны своихъ соотечественниковъ. Посылаю привѣтъ русскимъ литераторамъ, которые устраняютъ нѣгидныя тержества въ память Гоголя».

«Я читалъ изъ Гоголя все, что выбѣтается въ французскомъ переводѣ. Я не знаю русской жизни и поэтому не въ состояніи судить, лучше-ли онъ Дикенса въ своихъ романахъ и можетъ-ли онъ своими комедіями, нравовъ выдержать сравненіе съ Ожье; но во всякомъ случаѣ, это — замѣчательный и разносторонній писатель, заслуживающій удивленія со стороны всякаго литературно-образованнаго чловека и особахъ почестей со стороны своихъ соотечественниковъ. Посылаю привѣтъ русскимъ литераторамъ, которые устраняютъ нѣгидныя тержества въ память Гоголя».

«Я читалъ изъ Гоголя все, что выбѣтается въ французскомъ переводѣ. Я не знаю русской жизни и поэтому не въ состояніи судить, лучше-ли онъ Дикенса въ своихъ романахъ и можетъ-ли онъ своими комедіями, нравовъ выдержать сравненіе съ Ожье; но во всякомъ случаѣ, это — замѣчательный и разносторонній писатель, заслуживающій удивленія со стороны всякаго литературно-образованнаго чловека и особахъ почестей со стороны своихъ соотечественниковъ. Посылаю привѣтъ русскимъ литераторамъ, которые устраняютъ нѣгидныя тержества въ память Гоголя».

«Я читалъ изъ Гоголя все, что выбѣтается въ французскомъ переводѣ. Я не знаю русской жизни и поэтому не въ состояніи судить, лучше-ли онъ Дикенса въ своихъ романахъ и можетъ-ли онъ своими комедіями, нравовъ выдержать сравненіе съ Ожье; но во всякомъ случаѣ, это — замѣчательный и разносторонній писатель, заслуживающій удивленія со стороны всякаго литературно-образованнаго чловека и особахъ почестей со стороны своихъ соотечественниковъ. Посылаю привѣтъ русскимъ литераторамъ, которые устраняютъ нѣгидныя тержества въ память Гоголя».

«Я читалъ изъ Гоголя все, что выбѣтается въ французскомъ переводѣ. Я не знаю русской жизни и поэтому не въ состояніи судить, лучше-ли онъ Дикенса въ своихъ романахъ и можетъ-ли онъ своими комедіями, нравовъ выдержать сравненіе съ Ожье; но во всякомъ случаѣ, это — замѣчательный и разносторонній писатель, заслуживающій удивленія со стороны всякаго литературно-образованнаго чловека и особахъ почестей со стороны своихъ соотечественниковъ. Посылаю привѣтъ русскимъ литераторамъ, которые устраняютъ нѣгидныя тержества въ память Гоголя».

«Я читалъ изъ Гоголя все, что выбѣтается въ французскомъ переводѣ. Я не знаю русской жизни и поэтому не въ состояніи судить, лучше-ли онъ Дикенса въ своихъ романахъ и можетъ-ли онъ своими комедіями, нравовъ выдержать сравненіе съ Ожье; но во всякомъ случаѣ, это — замѣчательный и разносторонній писатель, заслуживающій удивленія со стороны всякаго литературно-образованнаго чловека и особахъ почестей со стороны своихъ соотечественниковъ. Посылаю привѣтъ русскимъ литераторамъ, которые устраняютъ нѣгидныя тержества въ память Гоголя».

«Я читалъ изъ Гоголя все, что выбѣтается въ французскомъ переводѣ. Я не знаю русской жизни и поэтому не въ состояніи судить, лучше-ли онъ Дикенса въ своихъ романахъ и можетъ-ли онъ своими комедіями, нравовъ выдержать сравненіе съ Ожье; но во всякомъ случаѣ, это — замѣчательный и разносторонній писатель, заслуживающій удивленія со стороны всякаго литературно-образованнаго чловека и особахъ почестей со стороны своихъ соотечественниковъ. Посылаю привѣтъ русскимъ литераторамъ, которые устраняютъ нѣгидныя тержества въ память Гоголя».

«Я читалъ изъ Гоголя все, что выбѣтается въ французскомъ переводѣ. Я не знаю русской жизни и поэтому не въ состояніи судить, лучше-ли онъ Дикенса въ своихъ романахъ и можетъ-ли онъ своими комедіями, нравовъ выдержать сравненіе съ Ожье; но во всякомъ случаѣ, это — замѣчательный и разносторонній писатель, заслуживающій удивленія со стороны всякаго литературно-образованнаго чловека и особахъ почестей со стороны своихъ соотечественниковъ. Посылаю привѣтъ русскимъ литераторамъ, которые устраняютъ нѣгидныя тержества въ память Гоголя».

«Я читалъ изъ Гоголя все, что выбѣтается въ французскомъ переводѣ. Я не знаю русской жизни и поэтому не въ состояніи судить, лучше-ли онъ Дикенса въ своихъ романахъ и можетъ-ли онъ своими комедіями, нравовъ выдержать сравненіе съ Ожье; но во всякомъ случаѣ, это — замѣчательный и разносторонній писатель, заслуживающій удивленія со стороны всякаго литературно-образованнаго чловека и особахъ почестей со стороны своихъ соотечественниковъ. Посылаю привѣтъ русскимъ литераторамъ, которые устраняютъ нѣгидныя тержества въ память Гоголя».

«Я читалъ изъ Гоголя все, что выбѣтается въ французскомъ переводѣ. Я не знаю русской жизни и поэтому не въ состояніи судить, лучше-ли онъ Дикенса въ своихъ романахъ и можетъ-ли онъ своими комедіями, нравовъ выдержать сравненіе съ Ожье; но во всякомъ случаѣ, это — замѣчательный и разносторонній писатель, заслуживающій удивленія со стороны всякаго литературно-образованнаго чловека и особахъ почестей со стороны своихъ соотечественниковъ. Посылаю привѣтъ русскимъ литераторамъ, которые устраняютъ нѣгидныя тержества въ память Гоголя».

«Я читалъ изъ Гоголя все, что выбѣтается въ французскомъ переводѣ. Я не знаю русской жизни и поэтому не въ состояніи судить, лучше-ли онъ Дикенса въ своихъ романахъ и можетъ-ли онъ своими комедіями, нравовъ выдержать сравненіе съ Ожье; но во всякомъ случаѣ, это — замѣчательный и разносторонній писатель, заслуживающій удивленія со стороны всякаго литературно-образованнаго чловека и особахъ почестей со стороны своихъ соотечественниковъ. Посылаю привѣтъ русскимъ литераторамъ, которые устраняютъ нѣгидныя тержества въ память Гоголя».

«Я читалъ изъ Гоголя все, что выбѣтается въ французскомъ переводѣ. Я не знаю русской жизни и поэтому не въ состояніи судить, лучше-ли онъ Дикенса въ своихъ романахъ и можетъ-ли онъ своими комедіями, нравовъ выдержать сравненіе съ Ожье; но во всякомъ случаѣ, это — замѣчательный и разносторонній писатель, заслуживающій удивленія со стороны всякаго литературно-образованнаго чловека и особахъ почестей со стороны своихъ соотечественниковъ. Посылаю привѣтъ русскимъ литераторамъ, которые устраняютъ нѣгидныя тержества въ память Гоголя».

«Я читалъ изъ Гоголя все, что выбѣтается въ французскомъ переводѣ. Я не знаю русской жизни и поэтому не въ состояніи судить, лучше-ли онъ Дикенса въ своихъ романахъ и можетъ-ли онъ своими комедіями, нравовъ выдержать сравненіе съ Ожье; но во всякомъ случаѣ, это — замѣчательный и разносторонній писатель, заслуживающій удивленія со стороны всякаго литературно-образованнаго чловека и особахъ почестей со стороны своихъ соотечественниковъ. Посылаю привѣтъ русскимъ литераторамъ, которые устраняютъ нѣгидныя тержества въ память Гоголя».

«Я читалъ изъ Гоголя все, что выбѣтается въ французскомъ переводѣ. Я не знаю русской жизни и поэтому не въ состояніи судить, лучше-ли онъ Дикенса въ своихъ романахъ и можетъ-ли онъ своими комедіями, нравовъ выдержать сравненіе съ Ожье; но во всякомъ случаѣ, это — замѣчательный и разносторонній писатель, заслуживающій удивленія со стороны всякаго литературно-образованнаго чловека и особахъ почестей со стороны своихъ соотечественниковъ. Посылаю привѣтъ русскимъ литераторамъ, которые устраняютъ нѣгидныя тержества въ память Гоголя».

«Я читалъ изъ Гоголя все, что выбѣтается въ французскомъ переводѣ. Я не знаю русской жизни и поэтому не въ состояніи судить, лучше-ли онъ Дикенса въ своихъ романахъ и можетъ-ли онъ своими комедіями, нравовъ выдержать сравненіе съ Ожье; но во всякомъ случаѣ, это — замѣчательный и разносторонній писатель, заслуживающій удивленія со стороны всякаго литературно-образованнаго чловека и особахъ почестей со стороны своихъ соотечественниковъ. Посылаю привѣтъ русскимъ литераторамъ, которые устраняютъ нѣгидныя тержества въ память Гоголя».

«Я читалъ изъ Гоголя все, что выбѣтается въ французскомъ переводѣ. Я не знаю русской жизни и поэтому не въ состояніи судить, лучше-ли онъ Дикенса въ своихъ романахъ и можетъ-ли онъ своими комедіями, нравовъ выдержать сравненіе съ Ожье; но во всякомъ случаѣ, это — замѣчательный и разносторонній писатель, заслуживающій удивленія со стороны всякаго литературно-образованнаго чловека и особахъ почестей со стороны своихъ соотечественниковъ. Посылаю привѣтъ русскимъ литераторамъ, которые устраняютъ нѣгидныя тержества въ память Гоголя».

«Я читалъ изъ Гоголя все, что выбѣтается въ французскомъ переводѣ. Я не знаю русской жизни и поэтому не въ состояніи судить, лучше-ли онъ Дикенса въ своихъ романахъ и можетъ-ли онъ своими комедіями, нравовъ выдержать сравненіе съ Ожье; но во всякомъ случаѣ, это — замѣчательный и разносторонній писатель, заслуживающій удивленія со стороны всякаго литературно-образованнаго чловека и особахъ почестей со стороны своихъ соотечественниковъ. Посылаю привѣтъ русскимъ литераторамъ, которые устраняютъ нѣгидныя тержества въ память Гоголя».

«Я читалъ изъ Гоголя все, что выбѣтается въ французскомъ переводѣ. Я не знаю русской жизни и поэтому не въ состояніи судить, лучше-ли онъ Дикенса въ своихъ романахъ и можетъ-ли онъ своими комедіями, нравовъ выдержать сравненіе съ Ожье; но во всякомъ случаѣ, это — замѣчательный и разносторонній писатель, заслуживающій удивленія со стороны всякаго литературно-образованнаго чловека и особахъ почестей со стороны своихъ соотечественниковъ. Посылаю привѣтъ русскимъ литераторамъ, которые устраняютъ нѣгидныя тержества въ память Гоголя».

«Я читалъ изъ Гоголя все, что выбѣтается въ французскомъ переводѣ. Я не знаю русской жизни и поэтому не въ состояніи судить, лучше-ли онъ Дикенса въ своихъ романахъ и можетъ-ли онъ своими комедіями, нравовъ выдержать сравненіе съ Ожье; но во всякомъ случаѣ, это — замѣчательный и разносторонній писатель, заслуживающій удивленія со стороны всякаго литературно-образованнаго чловека и особахъ почестей со стороны своихъ соотечественниковъ. Посылаю привѣтъ русскимъ литераторамъ, которые устраняютъ нѣгидныя тержества въ память Гоголя».

«Я читалъ изъ Гоголя все, что выбѣтается въ французскомъ переводѣ. Я не знаю русской жизни и поэтому не въ состояніи судить, лучше-ли онъ Дикенса въ своихъ романахъ и можетъ-ли онъ своими комедіями, нравовъ выдержать сравненіе съ Ожье; но во всякомъ случаѣ, это — замѣчательный и разносторонній писатель, заслуживающій удивленія со стороны всякаго литературно-образованнаго чловека и особахъ почестей со стороны своихъ соотечественниковъ. Посылаю привѣтъ русскимъ литераторамъ, которые устраняютъ нѣгидныя тержества въ память Гоголя».

«Я читалъ изъ Гоголя все, что выбѣтается въ французскомъ переводѣ. Я не знаю русской жизни и поэтому не въ состояніи судить, лучше-ли онъ Дикенса въ своихъ романахъ и можетъ-ли онъ своими комедіями, нравовъ выдержать сравненіе съ Ожье; но во всякомъ случаѣ, это — замѣчательный и разносторонній писатель, заслуживающій удивленія со стороны всякаго литературно-образованнаго чловека и особахъ почестей со стороны своихъ соотечественниковъ. Посылаю привѣтъ русскимъ литераторамъ, которые устраняютъ нѣгидныя тержества въ память Гоголя».

«Я читалъ изъ Гоголя все, что выбѣтается въ французскомъ переводѣ. Я не знаю русской жизни и поэтому не въ состояніи судить, лучше-ли онъ Дикенса въ своихъ романахъ и можетъ-ли онъ своими комедіями, нравовъ выдержать сравненіе съ Ожье; но во всякомъ случаѣ, это — замѣчательный и разносторонній писатель, заслуживающій удивленія со стороны всякаго литературно-образованнаго чловека и особахъ почестей со стороны своихъ соотечественниковъ. Посылаю привѣтъ русскимъ литераторамъ, которые устраняютъ нѣгидныя тержества въ память Гоголя».

«Я читалъ изъ Гоголя все, что выбѣтается въ французскомъ переводѣ. Я не знаю русской жизни и поэтому не въ состояніи судить, лучше-ли онъ Дикенса въ своихъ романахъ и можетъ-ли онъ своими комедіями, нравовъ выдержать сравненіе съ Ожье; но во всякомъ случаѣ, это — замѣчательный и разносторонній писатель, заслуживающій удивленія со стороны всякаго литературно-образованнаго чловека и особахъ почестей со стороны своихъ соотечественниковъ. Посылаю привѣтъ русскимъ литераторамъ, которые устраняютъ нѣгидныя тержества въ память Гоголя».

«Я читалъ изъ Гоголя все, что выбѣтается въ французскомъ переводѣ. Я не знаю русской жизни и поэтому не въ состояніи судить, лучше-ли онъ Дикенса въ своихъ романахъ и можетъ-ли онъ своими комедіями, нравовъ выдержать сравненіе съ Ожье; но во всякомъ случаѣ, это — замѣчательный и разносторонній писатель, заслуживающій удивленія со стороны всякаго литературно-образованнаго чловека и особахъ почестей со стороны своихъ соотечественниковъ. Посылаю привѣтъ русскимъ литераторамъ, которые устраняютъ нѣгидныя тержества въ память Гоголя».

«Я читалъ изъ Гоголя все, что выбѣтается въ французскомъ переводѣ. Я не знаю русской жизни и поэтому не въ состояніи судить, лучше-ли онъ Дикенса въ своихъ романахъ и можетъ-ли онъ своими комедіями, нравовъ выдержать сравненіе съ Ожье; но во всякомъ случаѣ, это — замѣчательный и разносторонній писатель, заслуживающій удивленія со стороны всякаго литературно-образованнаго чловека и особахъ почестей со стороны своихъ соотечественниковъ. Посылаю привѣтъ русскимъ литераторамъ, которые устраняютъ нѣгидныя тержества въ память Гоголя».

«Я читалъ изъ Гоголя все, что выбѣтается въ французскомъ переводѣ. Я не знаю русской жизни и поэтому не въ состояніи судить, лучше-ли онъ Дикенса въ своихъ романахъ и можетъ-ли онъ своими комедіями, нравовъ выдержать сравненіе съ Ожье; но во всякомъ случаѣ, это — замѣчательный и разносторонній писатель, заслуживающій удивленія со стороны всякаго литературно-образованнаго чловека и особахъ почестей со стороны своихъ соотечественниковъ. Посылаю привѣтъ русскимъ литераторамъ, которые устраняютъ нѣгидныя тержества въ память Гоголя».

«Я читалъ изъ Гоголя все, что выбѣтается въ французскомъ переводѣ. Я не знаю русской жизни и поэтому не въ состояніи судить, лучше-ли онъ Дикенса въ своихъ романахъ и можетъ-ли онъ своими комедіями, нравовъ выдержать сравненіе съ Ожье; но во всякомъ случаѣ, это — замѣчательный и разносторонній писатель, заслуживающій удивленія со стороны всякаго литературно-образованнаго чловека и особахъ почестей со стороны своихъ соотечественниковъ. Посылаю привѣтъ русскимъ литераторамъ, которые устраняютъ нѣгидныя тержества въ память Гоголя».

«Я читалъ изъ Гоголя все, что выбѣтается въ французскомъ переводѣ. Я не знаю русской жизни и поэтому не въ состояніи судить, лучше-ли онъ Дикенса въ своихъ романахъ и можетъ-ли онъ своими комедіями, нравовъ выдержать сравненіе съ Ожье; но во всякомъ случаѣ, это — замѣчательный и разносторонній писатель, заслуживающій удивленія со стороны всякаго литературно-образованнаго чловека и особахъ почестей со стороны своихъ соотечественниковъ. Посылаю привѣтъ русскимъ литераторамъ, которые устраняютъ нѣгидныя тержества въ память Гоголя».

«Я читалъ изъ Гоголя все, что выбѣтается въ французскомъ переводѣ. Я не знаю русской жизни и поэтому не въ состояніи судить, лучше-ли онъ Дикенса въ своихъ романахъ и можетъ-ли онъ своими комедіями, нравовъ выдержать сравненіе съ Ожье; но во всякомъ случаѣ, это — замѣчательный и разносторонній писатель, заслуживающій удивленія со стороны всякаго литературно-образованнаго чловека и особахъ почестей со стороны своихъ соотечественниковъ. Посылаю привѣтъ русскимъ литераторамъ, которые устраняютъ нѣгидныя тержества въ память Гоголя».

«Я читалъ изъ Гоголя все, что выбѣтается въ французскомъ переводѣ. Я не знаю русской жизни и поэтому не въ состояніи судить, лучше-ли онъ Дикенса въ своихъ романахъ и можетъ-ли онъ своими комедіями, нравовъ выдержать сравненіе съ Ожье; но во всякомъ случаѣ, это — замѣчательный и разносторонній писатель, заслуживающій удивленія со стороны всякаго литературно-образованнаго чловека и особахъ почестей со стороны своихъ соотечественниковъ. Посылаю привѣтъ русскимъ литераторамъ, которые устраняютъ нѣгидныя тержества въ память Гоголя».